

Молодежь азербайджанской оперы

В опере «Шах-Сенем» артист Ширзад Гусейнов занят во втором акте: он выступает в роли Ашига Гасана, певца-импровизатора, участвующего в состязании ашугов.

К концу антракта молодой певец (ему недавно пошел двадцать второй год), покончив со всеми приготовлениями к предстоящему выходу, пробирается на сцену. С живейшим интересом наблюдает он, как умелые руки рабочих — этих невидимых для зрителя участников спектакля — превращают сцену в иранский караван-сарай, который через несколько минут будет заполнен говорливой, пестрой толпой.

Совсем недавно Гусейнов и сам участвовал в спектаклях только за кулисами: он был тогда рабочим сцены в Азербайджанском рабочем театре. Сын бакинского каменщика, он поступал в двери театра в поисках заработка. О самой сцене он тогда не думал.

В часы досуга, а иногда и за работой Гусейнов с увлечением пел — то с товарищами, то один — излюбленные народные песни или пламенные песни революции.

В 1933 году он прочитал расклеенное на уличных витринах объявление: молодых певцов-азербайджанцев приглашали притти на пробу в оперный театр. По настоянию товарищей он рискнул пойти, а через несколько месяцев уже упорно трудился на репетициях оперного хора.

Голосистого певца, к тому же одаренного незаурядными музыкальными способностями и работавшего с огромным увлечением, скоро заметили: через два сезона ему поручили небольшую сольную партию в опере Узеира Гаджибекова «Асли и Керем».

Еще два года работы — и бывший рабочий сцены Ширзад Гусейнов вызывает дружное одобрение москвичей, выступая в ответственной и трудной партии Ашига Гасана.

Не довольствуясь первыми успехами, Ширзад Гусейнов продолжает работать над собой: он не прекращает учебных занятий в оперной студии, где любовно и тщательно изучает партию Кер-Оглы, готовясь воплотить на сцене образ легендарного ашуга, одного из любимейших народных героев Азербайджана.

Заветная мечта курьера Мустафаева, не один десяток лет работавшего в редакциях бакинских газет, осуществилась: советская власть помогла ему вырастить сыновей, дала им законченное образование. Один его сын — художник (москвичи на днях аплодировали его декорациям к опере «Наргиз»), другой — оперный артист.

Молодого баса Бекк Ага Мустафаева московская аудитория заметила с первого же выступления в опере «Шах-Сенем» (в партии Бахрам-бека, отца героини).

С детства тяготея к музыке, Бекк Ага Мустафаев не собирался, однако, быть певцом: его привлекала скрипка. На скрипке он самоучкой начал играть еще в средней школе. Позже он по совету старшего брата поступил в консерваторию по классу скрипки же.

Через 2 года при консерватории был организован хор, которым руководил Узеир Гаджибеков. К этому времени Бекк Ага из подростка превратился в юношу и говорил уже низким, мужским голосом, обращавшим на себя внимание не по летам «басовой» окраской. Кое-кто из товарищей даже подсмеивался над Мустафаевым: среди азербайджанских певцов басов почти не было, и голос Бекк Ага казался каким-то необычным. Зато сразу оценил этот редкий голос Узеир-Гаджибеков. Он не только привлек Мустафаева в хор, но и настоял на том, чтобы он начал учиться пению.

В 1928 году Бекк Ага был принят в оперный хор и в том же году спел первую сольную партию в опере Магомаева «Шах-Исмаил».

После удачной пробы на сцене Мустафаеву была обеспечена возможность учиться с 1931 г. по 1936 г. он пробыл в Москве (из них последние два года занимался в Консерватории). В 1936 г. Мустафаев вернулся в Баку и сразу же занял в театре ведущее положение. Сейчас он поет весь ответственный басовой репертуар: Москва слышала его в операх «Кер-Оглы» (Ибрагим-хан), «Шах-Сенем» (Бахрам-бек) и «Наргиз» (Гасанкиши).

В работе у Мустафаева — ответственные басовые партии в классических русских операх: Кончака в «Князе Игоре», Гремину в «Онегине» и др.

Теперь уже никто не подтрунивает над обладателем необычного голоса: товарищи по сцене, руководители театра вместе с тысячами слушателей радуются успехам Мустафаева Бекк Ага, с гордостью называя его первым басом, которого вырастил богатый талантами Азербайджан.

Хор Узеира Гаджибекова воспитал для азербайджанской оперы многих одаренных молодых певцов.

В 1928 году из этого хора вместе с Бекк Ага Мустафаевым были направлены в оперный театр еще несколько юношей и — что особенно ценно — шесть девушек. В пополнении женского состава театр остро нуждался: народная артистка Азербайджана Шевкет Мамедова, делясь с москвичами своими воспоминаниями, отмечала, как мало было в национальной опере певцов и как труден был путь актрисы старого Азербайджана.

В числе девушек, пришедших в театр в 1928 г., была дочь бакинского парикмахера Сона Мустафаева. В консерватории она училась в организованном Узеиром Гаджибековым хоре. С хора она начала и свою десятилетнюю работу в театре. С первого же сезона ей время от времени поручают небольшие сольные партии. В 1934 году ее переводят в состав солистов: в этом году она выступает уже в более значительных ролях в опереттах Узеира Гаджибекова.

В порядке учебной работы Сона Мустафаева начинает проходить и первые оперные партии.

Первое выступление в ответственной оперной партии было для нее неожиданным: в 1935 г. Сона Мустафаева работала над партией Гюльзары в опере Магомаева «Шах-Исмаил».

Внезапная болезнь основной исполнительницы этой партии Шевкет Мамедовой ускорила ход событий. Сону Мустафаеву однажды вызвали на экстренную оркестровую репетицию, а вечером она уже пела спектакль перед публикой. Этот эксперимент принес юной певице (ей как раз исполнилось тогда двадцать лет) несколько часов волнений и тревоги, но именно он был ее первой крупной творческой победой.

Победа окрылила, удвоила желание рабо-

тать и совершенствоваться, и два последующие года не прошли даром: москвичи были глубоко тронуты проникновенным исполнением Мустафаевой партии Гюльчохры в замечательном спектакле «Аршин мал алан».

Идрис-Фахрат-Оглу Агаларов не раз проходил мимо здания музыкального училища, невольно замедляя шаги около подъезда.

Однажды из разговоров столкнувшейся у подъезда молодежи он узнал, что в училище идет проба для вновь принимаемых. Вместе с друзьями Агаларов вошел в зал и записался на очередь.

Через два-три месяца он был уже одним из усерднейших и аккуратнейших учеников. Прошел год. В училище оживленно говорили о предстоящем показе достижения азербайджанского музыкального искусства в Москве.

Агаларов знал, что оперному театру нужны певцы, особенно басы и баритоны. Он отправился в управление по делам искусств, но ему равнодушно ответили, что он еще молод для оперы.

Через несколько дней в театре была объявлена открытая проба. Агаларов рискнул пойти и был принят солистом в группу лирических баритонов.

Шесть месяцев работы с концертмейстерами, дирижерами, режиссером, — и Агаларов участвует в декаде азербайджанского искусства в Москве, с успехом исполняя партию Шахвелета в опере «Шах-Сенем».

В течение декады азербайджанского искусства Москва познакомилась с целым созвездием молодых талантов, выращенных за последнее время советским Азербайджаном: Ольмира Ахундова, А. Рзаева, Ш. Гусейнов и др.

Жизненный и творческий путь каждого из них не одинаков, но всех их роднит и сближает единое чувство безграничной любви к родине, любовно выпестованному их советскому народу и единая воля — добиться еще большего расцвета мощного и полнокровного советского искусства.